

Ярков А. П.

Исламские сообщества от Урала до Камчатки на современном этапе

Современная история ислама в любом регионе земного шара, в т. ч. в Северной Азии, свидетельствует о невозможности «простого» решения сложных вопросов бытия. Иные случаи из местной практики государственно-конфессиональных отношений имеют и международный резонанс.

Ключевые слова: *ислам в Азиатской части России, власть и социум на современном этапе.*

Yarkov A.P.

Islamic community from Ural to Kamchatka at the present stage

Modern history of Islam in any region of the globe, including in North Asia, demonstrates the impossibility of «simple» solutions to complex issues of existence. Other cases of local practices of Church-State relations have international repercussions.

Keywords: *Islam in the Asian part of Russia, power and society at the present stage.*

Общесознаваемая опасность XXI века — рост радикализма, особенно среди тех, кто неправомерно использует религию для достижения своих целей. Акции 2017 года, проведенные сторонниками «Христианского государства» в Екатеринбурге или в Мьянме — радикалами от буддизма, показали, что экстремизм «произрастает» не от одного исламского радикализма. Но на примере последнего можно четко проследить «возможные сценарии» развития, если все вместе — ученые и верующие, политики и активные участники социальных сетей не начнут противодействовать очередному «вызову» времени и ситуации.

В Сибири и на Дальнем Востоке есть мощный внешний фактор изменения ситуации — миграция. Если в первом случае это традиционно сильный татаро-башкирский компонент, то на Дальнем Востоке сложился иной этнический баланс —

в сторону уроженцев Кавказа и Центральной Азии, иногда проявляясь и на уровне руководства общинами. Сокращение татаро-башкирской общины наблюдается повсеместно: самая большая убыль — в Магаданской области (на 83 %), в Амурской области (на 64 %), на Камчатке (на 60 %), в Хабаровском крае (на 55 %), на Сахалине (на 54 %), в Якутии (на 54 %) в Приморском крае (на 47 %). Наименьшая убыль татаро-башкирского населения отмечается в Еврейской АО (на 28 %) и на Чукотке (на 11 %). При этом удельный вес татар и башкир в Сибири (особенно в Западной) в составе населения значительнее.

Вне этой региональной специфики среди некоторых общин в различных азиатских субъектах РФ отмечены призывы к внедрению шариата. Это вызвало настороженное отношение других групп, свидетельствуя: умма вошла в очередной поворот извилистого пути трансформации, пытаясь найти «ответ» на «вызов» времени. Понятия традиционный ислам и ваххабизм вошли в оборот у верующих, хотя не всегда его верно классифицируя, тем самым ещё более (нежели в административном плане) раскалывая умму. Отсутствие диалога и полилога (где, в отличие от диалога, есть ещё третьи, четвёртые и иные участники) — одна из причин её затяжного кризиса. Между тем это основополагающий признак современного культурного пространства.

Чем объяснить рост религиозного сознания? Часть верующих (особенно из неофитов) привлекает в исламе патриархальность устоев как альтернатива «современной бездуховной цивилизации». Иным напомнило об утраченном их предками (социокультурная травма). Как следствие, усилились опасные тенденции в призывах, например, к архаизации этнокультур, сакрализации прошлого, становясь для иных аргументом в политических дискуссиях о будущем страны и региона.

Остро это связано с нерегулируемой миграцией. Так, Тюменская область по привлекательности для мигрантов занимает четвертое место после Москвы, Московской области и Петербурга. Сейчас в ряде населенных пунктов (особенно в северных округах) рождаются этнические «гетто», поскольку идет воссоединение мигрантских семей. Это дети, жены, другая родня мигрантов из предшествовав-

ших волн, которые, в отличие от нынешней, были профессионально подготовленными, морально замотивированными для работы в иной природно-климатической и социально-культурной среде. Не утрачивая конфессионального и этнического своеобразия, они интегрировались в социум, который сам был мигрантским.

В ряде районов состав населения изменился качественно, завися от: общего и личного опыта толерантности в местах исхода; уровня общего и религиозного образования (иногда лишь опыта) служителей культа и паствы; соотношения коренных и приезжих в конкретном населённом пункте; взаимоотношений власти и местного социума и т. д. Показательна статистика по г. Ноябрьску, где 18,3 % зарегистрированных предпринимателей — выходцы из Средней Азии и Кавказа (больше 40 % — азербайджанцы). Не все из них, заметим, мусульмане по убеждению, но они изменили отношение к мусульманской культуре, поскольку являлись её носителями.

Анализ переписей показывает, что численность традиционно исповедующих или культурно ориентированных (по происхождению, воспитанию, в т. ч. неофитов) на ислам, только на Ямале за 20 лет возросла в 1,6 раза (со 155 567 в 1989 году до 247 552 в 2010 году) и их доля составила 13,35 % от общего числа населения. При этом количество татар и башкир, активно участвовавших в освоении северных богатств в советский период, увеличилось незначительно. Например, в 1989 году: татары — 97 689, башкиры — 31 151; в 2010 году: татары — 108 899, башкиры — 35 428). Количество выходцев из Средней Азии и Кавказа показывает значительную динамику: от 2,4 до 9,4 раз (напр., число выходцев из Средней Азии в 1989 году — 3 126, в 2010 году — 29 630). Но сколько из них активно практикующих мусульман — неизвестно.

Сложная ситуация складывается с теми, кого отправляют для отбытия наказания в исправительные колонии. Особенно в Восточной Сибири некоторые из них прославились тюремными джамаатами. Основная часть осужденных исламистов отбывает наказание в колониях Западной и Восточной Сибири. Бунт в ИК-35 в Хакасии, где местный джамаат потребовал от начальства соблюдения законов шариата, привел к жертвам.

Что делать с тюремными джамаатами и бунтами исламистов в колониях и СИЗО, мы теперь более-менее знаем, а руководство УФСИН имеет опыт оперативного реагирования.

На Дальнем Востоке появилось пока неизученное, но опасное явление — корабельные, или трюмные, джамааты. Дело в том, что в дальневосточной акватории зачастую ходят рыболовецкие суда без портов приписки. Они появляются там от путины к путине, на очень короткий период времени, поэтому на них надзорные органы не обращают особого внимания. В экипажах этих судов на неквалифицированных судовых ролях есть мигранты. Никаких документов на них не оформляют, за ними никто не следит. Эта «черная рабочая сила» создает на борту трюмные джамааты, вовлекая туда остальных рыбаков. Долгое время «заточенные» на выявление «экстремистки заряженных гостей», органы власти (как и ученые), как представляется, мало обращали внимание на то, что происходит с «приплывающими» из Юго-Восточной Азии. А там, как свидетельствуют СМИ, возникают свои «горячие точки».

Важно также обратить внимание, что по дальневосточному периметру Транссибирской магистрали в городах и поселках функционируют в больших количествах салафитские общины, возглавляемые трудовыми мигрантами.

Актуально, что Совет по правам человека при главе Чечни опубликовал список жительниц Урала и Сибири — жен боевиков ИГ / ДАИШ (организация запрещена в РФ), находящихся в местах лишения свободы на территории Ирака. Жительница Екатеринбурга Валерия Кокорина арестована иракскими властями во время зачистки лагеря ИГ в районе Мосула. Кокорина проникла к террористам из Турции, куда накануне отправилась как туристка. В Турции она заключила мусульманский брак с боевиком ИГ, который ее и вывез в лагерь террористов. Своим родителям молодая женщина сообщала из лагеря ИГ, что работает в Турции, замужем за турком. Аналогично оказались в рядах террористов жительница Нижневартовска Анастасия Трулева, жительница Тюмени Инесса Тиракова и другие молодые гражданки России. Все эти женщины в сожительстве с террористами стали многодетными матерями. У 27-летней Тираковой пятеро детей, у 18-летней Кокориной —

двое, у 36-летней Трулевой — трое. Они составили процент из 512 россиянок, приготовленных к экстрадиции на родину из лагерей ИГ на Ближнем Востоке.

В Чечне и Дагестане налажена работа по возвращенцам из террористических групп. А что эти жительницы Урала и Сибири будут делать в своих родных городах, где комплексной антитеррористической работы не ведется? На Урал и в Сибирь возвращаются если не сами боевики, то их жены и дети. Исследования психологов на эту тему свидетельствуют: если даже человек порывает с ИГ или «Братьями-мусульманами» (запрещены в России), то его сознание на очень долгое время остается запрограммированным террористической идеологией.

Говоря о профилактике терроризма со стороны религиозных организаций, важно заметить: благое с виду намерение чиновников в этом направлении приводит нередко к конфликтной ситуации в мусульманской общине Дальнего Востока. Так, чиновники пригласили для антиэкстремистской работы среди мусульман выпускников дагестанских исламских вузов. Однако богословско-правовая школа, мазхаб, которого придерживаются дагестанцы, — шафиитский. А основная часть мусульман Дальнего Востока — татары, узбеки, таджики — исповедуют ханафитский мазхаб. В богословии ханафитов и шафиитов целые пласты разногласий. Кроме того, представители одного мазхаба очень не любят, когда другой мазхаб лезет в их дела, да еще с подачи чиновников. То же самое с работой имамов в колониях. Когда чиновники из ФСИН приглашают для работы с осужденными имама, это не всегда плодотворно и продуктивно заканчивается.

Забвение основных нравственных постулатов характерно для тех мусульман (особенно из неофитов), которые избрали путь экстремизма, за что несут заслуженное наказание. Исходя из установок ислама, что даже к подобным маргиналам нужно проявлять милосердие. Некоторые единоверцы пытаются направить их на исправление, но не всегда этот опыт позитивен — имеются случаи обращения в радикализм через «обратные проповеди».

Оценивая усилия радикальных сил, важно определить направления противодействия: это не только идеи (иными лишь прикрывались),

но и методы вербовки, контроля сознания, действия (в т. ч. противоправные), к «которым побуждаются адепты». На иных, как обладателей интеллекта и харизмы, рассчитывали салафиты, направляя шахидами.

Напротив, ценна жизнь единоверцев для приверженцев адатного ислама. Традиционно в региональной умме авторитетно мнение пожилых, у которых велико неприятие радикализма. Их отношение к исламу как к внутреннему духовному состоянию, личному отношению с Аллахом, а не жесткому соблюдению норм («шариат — в сердце») признан улемами правомерным.

Нет цели утверждать, что региональный вариант исповедания «миролюбивее» традиций, которых придерживаются мусульмане в других регионах мира. Но в противодействии радикализму мусульмане от Урала до Камчатки нашли «лекарство» — местные обычаи (как части общероссийских), которые необходимо уважать приезжим и знать молодым.

Что же касается политики властей в противодействии экстремизму, так важен переход от многих показных мероприятий (фестивалей, выставок, концертов) к многообразным формам профилактики в молодежной среде и среди взрослых, поддержке инициативных «кибер-патрулей», переподготовке имамов и актива, внедрение новых методов в учреждениях ФСИН и т. п.

В Кызыле — столице Республики Тыва установлен знак «Центр Азии», хотя населяющие эту часть света люди имеют антропологические, религиозные, этнические, языковые отличия. В равной степени важно осознать: в мировой умме есть общие ценности, но в районах его распространения — местные особенности. Поэтому в Азиатской части России ислам — не ответвление от ствола, пусть и могучей, но ближневосточной пальмы, а стройная берёзка в смешанном лесу мирового ислама. Внимание к этой берёзке, помощь в освобождении от «сорняков» поможет обеспечить духовную безопасность на этой части российского пространства.